

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Вехи истории: философское осмысление

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-9-88-104

Оригинальная исследовательская статья

Original research paper

Наполеон и философская школа «идеологов»

А.А. Кротов

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

Аннотация

Школе «идеологов» довелось оказать существенное влияние на интеллектуальный климат во Франции во времена революции, конституции и первой империи. Философская и политическая программа «идеологов» первоначально в сжатом, но систематическом виде была выражена в произведении Вольнея «Руины, или Размышления о революциях империй». В год его публикации Наполеон пишет небольшой текст, посвященный сравнению монархии и республики. Итог – не в пользу старого порядка; его республиканские симпатии в этот период несомненны. В следующем году в письме, адресованном военному комиссару в Валансе, он упоминает важнейшие произведения Вольнея, выражая одобрение его политической позиции. После возвращения Наполеона в Париж из египетского похода «идеологи» приветствовали его приход к власти. Однако вскоре наступило взаимное разочарование, Наполеон принял меры для ограничения влияния философствующих оппозиционеров. Понятию «идеология», изначально в среде философов использовавшемуся для обозначения науки об идеях, их происхождении и развитии, Наполеон первым придал политический, и притом отрицательный, смысл. Порывая с республиканскими убеждениями своей юности, которые продолжали вдохновлять «идеологов», Наполеон оставался им близок в другом: в стремлении ограничить значение священнослужителей в общественной жизни. Наполеон не раз говорил, что религия необходима обществу в качестве надежной опоры морали. Но при этом он упрекал священнослужителей в неуместной с их стороны любви к земным благам, обвинял в лицемерии и обмане, возлагал на них ответственность за множество войн. Автор делает вывод, что, по существу, Наполеон так и не смог вполне избавиться от духа философии своей эпохи: антиклерикализм

Руссо, Вольтера и поздних просветителей – представителей школы «идеологов» – продолжал жить в его сознании.

Ключевые слова: школа «идеологов», Наполеон, Кабанис, Дестют де Траси, философия Просвещения, французская философия.

Кротов Артем Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории и теории мировой культуры философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заместитель председателя федерального УМО по укрупненной группе направлений подготовки «Философия, этика, религиоведение».

krotov@philos.msu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0590-4020>

Для цитирования: Кротов А.А. Наполеон и философская школа «идеологов» // Философские науки. 2019. Т. 62. № 9. С. 88–104.
DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-9-88-104

Napoleon and Philosophical School of “Ideologists”

A.A. Krotov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract

The school of “ideologists” (*l'école des idéologues*) exerted significant influence on the intellectual atmosphere in France during the Revolution, Consulate and the First Empire. Originally, the philosophical and political program of the ideologists was published in compressed but systematic form in Volney's *The Ruins, or Meditation on the Revolutions of Empires*. In the year of its publication, Napoleon wrote a small text devoted to comparison of monarchy and republic. The result was not in favor of the old regime; Napoleon obviously shared republican sympathies during that period. In the next year, in a letter addressed to the military commissioner in Valence, he listed Volney's most important works, expressing approval of his political outlook. After Napoleon's return to Paris from the Egyptian campaign, the ideologists welcomed his rise to power. However, mutual disappointment came before long, when Napoleon took measures to restrict the influence of philosophical opposition. Napoleon was the first to give a negative political coloring to the concept of ideology, initially used by philosophers for designation of science about ideas, their origin and development. Breaking off with the republican beliefs of his youth, which continued to inspire the ideologists, Napoleon remained close to them in another aspect: limiting the role of the clergy in public life. Napoleon said more than once that religion was necessary for society as a reliable support of morals. But at the same time he reproached priests with inappropriate love of to them, to worldly goods, accused them of hypocrisy and deception, conferred on them responsibility for numerous wars. The author concludes that Napoleon was not to completely get rid of the philosophical spirit of his epoch: the

anticlericalism of Rousseau, Voltaire and the later Enlightenment – school of ideologists – persisted in his outlook.

Keywords: ideologues, Napoleon, Cabanis, Destutt de Tracy, philosophy of Enlightenment, French philosophy.

Artem A. Krotov – D.Sc. in Philosophy, Professor, Head of the Department of History and Theory of the World Culture, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Deputy Chairman of the Federal Educational and Methodological Association (cluster “Philosophy, Ethics, and Religious Studies”).

krotov@philos.msu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0590-4020>

For citation: Krotov A.A. (2019) Napoleon and Philosophical School of “Ideologists.” *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 9, pp. 88–104. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-9-88-104

Введение

Заключительная мысль, последнее слово философии французского Просвещения нашли свое выражение в учении школы «идеологов». Ее возникновение и расцвет приходятся на завершающие годы XVIII – начало XIX вв. Накануне революции большинство склонных к философской рефлексии образованных жителей французского королевства вдохновлялось, прежде всего, сочинениями Вольтера и Руссо. Высок был и престиж просветительской «Энциклопедии». Но для «идеологов» на первом месте в плане философского авторитета располагалась система Кондильяка. Именно от ее положений, установок, в той или иной степени, отталкивались все представители этой своеобразной философской школы. Нередко по различным поводам подвергая критике воззрения своего идейного вдохновителя, они все же ориентировались на них как на образец научной строгости и точности в области философии. Сенсуалистическая методология пронизывала собой все их творчество, по существу определяя общую модель их философских рассуждений. Лидеры школы оказались тесно вовлечены в политические события своей эпохи; особый интерес представляет вопрос о взаимоотношениях Наполеона с этим сообществом мыслителей, в немалой степени определявшим интеллектуальный климат того времени.

Конституирование школы «идеологов» протекало в непростых условиях революционных перемен, противоборства различных группировок, мятежей и вторжений сил антифранцузской коалиции. Их регулярные собрания проходили в салоне Отёй, хозяйкой которого выступала вдова Гельвеция Анна-Катрин. Салон имел давнюю историю: еще до революции его посещали Дидро, Гольбах, Морелле, Даламбер, Кондильяк, Гаррик, Франклин, Джефферсон,

Тюрго, Кондорсе, Шамфор, Вольней, Гара, Кабанис. Традиции салона восходили к временам знаменитых обедов у Гельвеция в особняке на улице Св. Анны, на которых присутствовали европейские знаменитости: Мармонтель, Сен-Ламбер, Дидро, Тюрго, Даламбер, Рейналь, Юм, Беккариа, Галиани.

Другим местом собраний «идеологов» служил национальный Институт. Философские исследования проводились под эгидой класса моральных и политических наук. В его структуре на первом месте числилась секция анализа ощущений и идей. Уже само ее название было сформулировано в духе учения Кондильяка. В состав секции вошли Вольней, Гара, Кабанис, де Траси, Ларомигьер, Дежерандо. «Идеологи», таким образом, напрямую определяли как выбор тем для философских исследований, так и типичные способы решения поставленных в них проблем, принятые в академической среде. Как отмечал Эмиль Брейе, «Золотой век идеологии начинается в 1795, с создания Института» [Bréhier 2004, 1249]. «Идеологи» становятся влиятельной общественной силой.

Наполеон не был чужд философских интересов. Известно, что после окончания парижской военной школы, во время гарнизонной службы, он очень много читал: круг его интеллектуальных устремлений охватывал сочинения по истории, географии, военному делу. Включал он и произведения философов. Среди них – тексты Руссо, Вольтера, Платона, Рейналя. Не случайно Луи Мадлен высоко ставил философскую эрудицию юного Наполеона: «Он читал всех *философов* века, от Вольтера до Руссо и от Мабли до Рейналя» [Madelin 2003, 13].

Среди дошедших до нашего времени юношеских набросков Бонапарта (1786–1796), включающих выписки из многочисленных, разнообразных по тематике прочитанных им книг, ни имя Кондильяка, ни его сочинения не упоминаются ни разу. Мог ли он иметь хотя бы некоторое представление об идеях знаменитого просветителя? В «Рассуждении», представленном Бонапартом на конкурс, проводившийся лионской академией (1791), встречается мысль, по словам Жана Тюлара, «прямо проистекающая из Кондильяка»: «Рассуждать – это сравнивать» [Napoléon 2001, 198]. Действительно, замечание справедливое. А.З. Манфред, отметим, без колебаний считал возможным солидаризироваться с интерпретацией, отстаивающей мысль о влиянии идей Кондильяка на автора упомянутого конкурсного сочинения [Манфред 1980, 61]. Произведения Кондильяка присутствовали в египетской библиотеке Наполеона (пять томов «Курса занятий по обучению принца Пармского») [Moravi 1905, 12]. Но все-таки очень глубоким влияние Кондильяка на мировосприятие юного Наполеона быть не могло; среди философов его кумиром был тогда Ж.-Ж. Руссо.

Становление школы «идеологов».

Идеи Вольнея и мировосприятие юного Наполеона

Философская и политическая программа «идеологов» первоначально в сжатом, но систематическом виде была представлена в произведении Вольнея «Руины, или Размышления о революциях империй» (1791). Преобладает в нем социальная проблематика, сенсуалистический метод служит средством обоснования отстаиваемых положений. Тема гибели некогда могущественных и процветавших государств важна автору, прежде всего потому, что позволяет подойти к вопросу о принципах общественного устройства, вполне справедливого и ведущего людей к счастью. Вольней говорит о человеке как существе, включенном в общую связь вещей в мироздании. Люди подчинены тем же неизменным, отличающимся регулярностью законам, которые с необходимостью господствуют повсюду во вселенной. Источник этих законов – скрытая, непостижимая, высшая сила. Вольней – не сторонник атеизма. В выпущенном им спустя два года после «Руин» сочинении «Естественный закон, или Катехизис французского гражданина» (1793) мы встречаем характерное определение естественного закона: «Это вечный, неизменный, необходимый закон, каким Бог управляет вселенной и который он сам делает явным для чувств и разума людей, чтобы служить им общим и одинаковым правилом и направлять их, без различия страны или секты, к совершенству и счастью» [Volney 1989, 447]. Человек – часть единого мира, основа его бытия присуща самой его природе, ее не следует пытаться искать исключительно в предписаниях религий. Поэтому для него важно обратиться к познанию мира, раскрыть в нем взаимосвязь причин и следствий. В то время как в физической сфере все подчинено законам движения, в области нравственной господствует стремление к счастью, побуждающее ценить удовольствия и избегать страданий. Чувства – источник самых разнообразных поступков человека. Столкновение с действительностью порождает приятные либо неприятные ощущения, подталкивающие людей избирать тот или иной способ действий. Ощущения побуждают стремиться к самосохранению, благополучию, уклоняться от невзгод.

Подобно другим просветителям, Вольней защищал теорию прогресса. Потребности и опасности стимулировали улучшение тех человеческих качеств, от которых напрямую зависела жизнь. Многочисленные бедствия, подстерегавшие человека, неискоренимое стремление к безопасному существованию побуждали людей к объединению. Вольней принимает и теорию общественного договора. Он говорит о явно выраженных, иногда же молчаливо принимаемых правилах, определяющих нормы межличностных отношений, права и обязанности людей. Договором устанавливалась особая категория

людей, назначаемых следить за надлежащим выполнением установленных правил поведения.

Причинами всех социальных бедствий Вольней считал невежество и алчность. Себялюбие, способное удерживаться в разумных границах, влечет человека к счастью. Но оно же, принимая преувеличенные формы, рождает неумную жадность, доводящую до желания отнять у ближних принадлежащие им блага. Ослепленный корыстолюбием, человек не ведал естественный закон, нарушая его к ущербу и окружающих, и самого себя. Именно невежество и алчность привели к гибели великие империи прошлого, от которых сохранились лишь гробницы и давно покинутые всеми руины. Процветание государств всегда было связано со степенью справедливости принятых в них законов, с числом тех людей, которые заинтересованно и активно работали на благо социального целого. Причем тирания в жизни человечества существовала далеко не всегда, в глубокой древности люди ее не знали. Неумеренное стяжательство их разобщило, в водовороте непрестанной вражды зародился политический деспотизм, отвергавший и равенство, и справедливость. Тираны всегда по существу были противниками общественного договора, растаптывали его. К главным формам правления Вольней относил демократию, аристократию, теократию, монархию. Злоупотребления, по его мнению, были свойственны каждой из них. «Я видел дворцы государей, но не видел зданий народных представителей. Я видел, что там соблюдаются интересы правителей, а вовсе не интересы общества, мне известно, что там нет общественного мнения. Я видел, что вся наука тех, кто повелевает, состоит в умении угнетать, не забывая об осторожности» [Вольней 1962, 91]. При демократии народные уполномоченные зачастую присваивали себе права, принадлежавшие всем. При аристократии отдельные лица составляли привилегированное сословие, претендующее на всевозможные выгоды. При теократии устанавливался политический произвол со стороны тех, кто управлял народами именем религии и не забывал о собственном материальном интересе. При монархии государи всячески стремились бесконтрольно увеличить свою власть. Алчность, эгоистические устремления оказались перенесены и на международные отношения, где постоянные захваты одних государств другими стали обычным делом. Государства были разделены на враждующие части, бесправную и привилегированную. Отсюда – слабость, нестабильность политических образований, их упадок, нередко приводящий к распаду.

В истории человечества Вольней выделял четыре периода. Первый – это детство, разобщенность, изолированное существование народов. Второй – «аристократический строй» больших государств. Третий – эпоха борьбы за власть привилегированных групп, непрерывное

противостояние различных частей общества. Наконец, четвертый период он связывает с новым, еще не наступившим веком, который принесет всем людям мир и справедливость.

Будущее человечества он представлял как торжество свободы и равенства. Прогрессивное движение заметно ускорится благодаря развитию путей сообщения и расширившимся возможностям обмена мыслями. Люди осознают, насколько их индивидуальное благо тесно сопряжено с общественным. Первый народ, утвердивший разумный образ жизни, окажет своим примером необратимое влияние на все остальные. Человечество объединится на основе мудрых законов, оно станет единым обществом. Избавление человечества от бедствий возможно на пути просвещения, улучшения нравов, утверждения справедливости, опирающейся на естественный закон. Политическая власть исходит только от народа; правители – лишь уполномоченные им лица, но отнюдь не самовластные хозяева. Читателю «Руин» нетрудно было догадаться, что за «народ-законодатель» подразумевался автором книги. Этого «доблестного руководителя» остальные народы уже готовы сделать «своим верховным властелином». Человечество должно развернуть трехцветное знамя. Впрочем, речь здесь не идет об угнетении и присвоении чужого достояния, но о распространении на весь мир принципов справедливости.

Настаивая на необходимости борьбы с предрассудками, Вольней значительное место в своих размышлениях отводил религии. Священнослужители для него – воплощение хитрости, алчности, лицемерия, обмана, надежная опора деспотизма. «Эти люди стали считать заслугой исполнение ничего не значащих, нелепых и смехотворных обрядов; они возвели в добродетель определенные ритуальные действия, умение произносить некоторые установленные слова, бессодержательные тексты, сочленять определенные имена» [Вольней 1962, 73]. От Бога исходит естественный закон, все прочее, «переданное из вторых рук», Вольней считает человеческим вымыслом. Пытаясь разобраться в вопросе о происхождении религий, он рассуждает об их взаимосвязи, усматривает в них искаженное отражение различных астрономических фактов. Смена религиозных форм, по его мнению, определялась развитием знания о мире. Этот процесс, по его мысли, охватывал тринадцать «религиозных систем»: культ стихий и атмосферных явлений, почитание звезд, поклонение животным, символизировавшим звезды, дуализм первопричин, учение о загробном царстве, культ одушевленного мира, почитание огня, культ абстрактного демиурга, культ мировой души (религия Моисея), зороастризм, буддизм, брахманизм, аллегорический культ солнца. По Вольнею, вымышленные людьми религиозные учения легко опровергнуть решающим аргументом: все наши идеи происте-

кают из чувств, ссылки на иное их происхождение бездоказательны и ложны.

Насколько Наполеону была близка выдвинутая Вольнеем программа? В год публикации «Руин» он пишет небольшой текст, посвященный сравнению монархии и республики. Итог – не в пользу старого порядка: он говорит о клевете, оскорблениях и угрозах в адрес республиканцев, пустых заверениях монархистов о том, что для Франции невозможна никакая иная форма правления, кроме отстаиваемой ими. «В действительности ораторы-монархисты многое сделали для падения монархии» [Napoléon 2001, 171]. Их утверждения, по мнению Бонапарта, бездоказательны и направлены на защиту «дурного дела». Его республиканские симпатии в этот период несомненны. Заметим, что монархия была свергнута лишь год спустя после написания им упомянутого здесь наброска. В письме Жозефу Фешу (февраль 1791) он следующим образом оценивает политические настроения окружающих: «Я видел в Валансе полный решительности народ, солдат-патриотов и офицеров-аристократов... То, что называют хорошим обществом, на $\frac{3}{4}$ аристократическое: иными словами, они прикрываются маской приверженцев английской конституции» [Napoléon 2004, 97]. Защитники старого порядка, «аристократы», Наполеону чужды. В «Рассуждении» он в духе философии Просвещения заявляет о себе как противнике предрассудков, прославляет «любовь к истине и к людям». Говорит о прогрессе моральных и политических наук, достигнутом благодаря тем гениальным людям, которые, не побоявшись преследований и Бастилии, смогли внести свет в область, где некогда царила вековая тьма. Философия причастна прогрессу в политической сфере. «Свобода, завоеванная после двадцати месяцев энергии, борьбы и самых бурных потрясений, навсегда составит славу французов, философии и литературы» [Napoléon 2001, 197]. Сама природа, эта «просвещенная мать» человека, предназначает его к счастью. Счастье Наполеон определяет как наслаждение жизнью «в соответствии с нашей организацией». Оно состоит в полном развитии телесной и интеллектуальной организации человека. Для счастья человек должен «ощущать и рассуждать», в полной мере раскрывая эти свои способности. «Чувство рождает общество, разум также его поддерживает». Наполеон не скрывает своего восхищения женовским гражданином: «О Руссо, почему было необходимо, чтобы ты прожил только шестьдесят лет! В интересах добродетели ты должен был бы жить бессмертным» [Napoléon 2001, 198, 216].

В письме, адресованном военному комиссару в Валансе (17 февраля 1792 г.), Наполеон упоминает важнейшие произведения Вольнея, выражая одобрение его политической позиции. «Г-н де Вольней, известный в литературной Республике своим

Путешествием в Египет, своими *Записками об агрикультуре*, своими политическими и торговыми соображениями о договоре 56 года, своим *Размышлением о руинах*, равно известен и в патриотических анналах своей стойкой поддержкой хорошей партии в Учредительном собрании» [Napoléon 2004, 103].

Особое значение для Наполеона имело знакомство с сочинением Вольнея «Путешествие в Сирию и Египет» (1787). Как отмечал Е.В. Тарле, интерес командующего итальянской армией к труду Вольнея определялся, прежде всего, его военными планами. «Еще едва только овладев Венецией, Бонапарт приказал одному из подчиненных генералов захватить Ионические острова и тогда уже говорил об этом захвате как об одной из деталей в деле овладения Египтом. У нас есть и еще неопровержимые данные, показывающие, что в течение всей своей первой итальянской кампании он не переставал возвращаться мыслью к Египту... В течение всей итальянской войны в свободные минуты он, как всегда, много и с жадностью читал, и мы знаем, что он выписал и прочел книгу Вольнея о Египте и еще несколько работ на ту же тему» [Тарле 2012, 66]. Впоследствии он говорил, что «Путешествие» Вольнея – одна из немногих книг о Египте, которая «не лгала». Знаком был Наполеон и с «Соображениями о войне турок с русскими» (1788), где Вольней заключал, что завоевание Египта принесет Франции больше минусов, чем выгод. На острове Св. Елены, вспоминая обстоятельства и подробности восточной экспедиции, осуществленной под его командованием, Наполеон упоминал мнение Вольнея о чрезвычайной сложности завоевания Египта. «Политические деятели, изучавшие внимательнее других дух народов Египта, рассматривали религию, как главное препятствие на пути к установлению французского господства. Чтобы утвердиться в Египте, говорил Вольней в 1788 г., придется выдержать три войны: первую – против Англии, вторую – против Порты, а третью – наиболее трудную из всех – против мусульман, составляющих население этой страны. Последняя потребует таких жертв, что ее, быть может, следует рассматривать, как непреодолимое препятствие» [Наполеон 1956, 471]. Очевидно, экспедиция могла состояться, только если с самого начала генерал был уверен: «самое трудное», с точки зрения философского сознания, препятствие ему-то не станет преградой на пути воплощения честолюбивых замыслов. Книги Вольнея были ему важны для общей ориентировки в фактах, касающихся географии, населения, местных традиций. Но его прогнозы на будущее не принимались как нечто непреложное. «Рассуждать догматически о том, что не проверено на опыте, – есть удел невежества. Это все равно, что решать с помощью уравнивания второй степени задачу из высшей математики» [Наполеон 1956, 672]. Наполеон охотно вспоминал о том, как ему

удалось решить обозначенную Вольнеем проблему. Армия, по его словам, после захвата Александрии и Каира «была слишком слаба и утомлена», не могла выдержать длительной религиозной войны. Между тем получили распространение призывы к борьбе с неверными, оставалось «либо вернуться на суда, либо примирить с собой религиозное мышление». Обсуждение Корана с учеными мечети Аль-Азхар, благожелательное обращение с шейхами, привлечение их к гражданскому судопроизводству, сохранение собственности за мечетями – все это в разной степени способствовало успеху замыслов генерала.

В Египте для него военный опыт доказал свое превосходство над умозрительными построениями. «В особенности я разочаровался в Руссо после того, как увидел Восток» [Roederer 1942, 95]. Философия в некоторых своих, известных ему формах не выдержала столкновения с реальностью. Ее высокомерный, назидательный тон оказался неуместен, ее амбиции завышены. Хотя она и содержала много верных наблюдений, ее общие конструкции стали казаться ему шаткими, необоснованными, непригодными. Отсюда – негативный оттенок, нередко придаваемый им, начиная с этого времени, слову «метафизик».

Наполеон и школа «идеологов»:

брюмерианский переворот, консульство, империя

После возвращения Наполеона в Париж «идеологи» приветствовали его приход к власти. Более того, можно говорить о том, что, главным образом в лице Кабаниса, они напрямую этому способствовали. Бывший министр полиции Жозеф Фуше в своих мемуарах неоднократно упоминает Кабаниса в числе главных участников переворота 18 брюмера [Fouché 1825, 80, 91]. Поль Баррас, один из членов Директории на момент переворота, ненавидимый многими современниками как своего рода олицетворение порока, взяточник, интриган и развратник, вспоминал о событиях в Сен-Клу не иначе, как о воплощении решений «сатанинского собрания» заговорщиков, среди которых им отмечен и Кабанис [Barras 1896, IV, 66].

Альбер Вандаль красочно характеризует роль Кабаниса в заключительные часы второго драматического дня брюмерианского переворота. После того, как гренадеры по команде Мюрата вынудили разбежаться членов Совета пятисот, некоторые из депутатов, кто добровольно, а кто и не вполне, вновь собрались в оранжерее дворца Сен-Клу. Люсьен Бонапарт произносит свою речь, в качестве председателя как бы возобновляя прерванное заседание, Шазаль вносит предложение о временном консульстве, для доклада по этому вопросу назначается комиссия Совета.

«В одиннадцать часов Булэ от имени комиссии представил доклад. Затем говорил чистосердечный Кабанис. Речи обоих замечательны тем, что в них, с различными оттенками, ясно выразилась мысль парламентских брюмерцев. Это отнюдь не цезаристы; они вовсе не стремятся поставить над собой господина; это революционеры, которые, прежде всего, хотят сохранить и упрочить дело революции». Идея передачи исполнительной власти временным консулам была поддержана, и декрет был передан на утверждение Совету старейшин. «Прежде чем разойтись, оба совета вотировали адрес французам, смысл которого и отчасти текст были заимствованы из речи Кабаниса» [Вандаль 1995, 379, 382]. Благодарность первого консула выразилась в назначении сенаторами Кабаниса, де Траси, Вольнея, Гара. В состав Трибуната был включен Ларомигьер. Впрочем, дело было не в одной лишь благодарности: Наполеон нуждался в преданных ему людях. Именно таковыми поначалу ему представлялись «идеологи». По справедливому замечанию Антуана Гийуа, «Идеологи, которых Наполеон уважал, несмотря на свои шутки, встретили с энтузиазмом 18 брюмера» [Guillois 2013, II]. Вскоре наступило взаимное разочарование. Республиканские убеждения «идеологов» вступали в противоречие с укреплением режима личной власти. Нарастание их оппозиционных настроений не было для Наполеона тайной. Он перестает рассматривать их в качестве возможной опоры своей власти, все больше его раздражают их туманные суждения, несбыточные мечтания. В беседе с Редерером, состоявшейся 18 августа 1800 г., он пренебрежительно заявил: «Кабанис, Сиейес: метафизики и фанатики!» [Roederer 1909, 20]. Как замечают Луи де Виллефос и Жанин Буиссунуз, касаясь одной из бесед Наполеона с Люсьеном Бонапартом: «Подчеркнем только, что генерал хвалится если не созданием слова *идеолог*, образованным от слова *идеология*, то, по крайней мере, введением его в оборот с пренебрежительным значением» [Villefosse, Bouissounouse 1969, 202]. Действительно, Наполеон полагал, что благодаря его позиции интеллектуалы станут меньше «заниматься идеологией», т.е., в его понимании, незадачливо вмешиваться в политику со своей пустой болтовней.

Несомненно, что Наполеон стремился следить за новинками в области философии и после своего прихода к власти. Для него было важно учитывать все факторы, способные вызвать изменения политического климата. Времени, разумеется, не хватало, поэтому он счел необходимым прибегнуть к следующему средству: в письме к своему библиотекарю Рипо (23 июля 1801 г.) он вменяет тому в обязанность готовить регулярный отчет обо всем опубликованном, что могло бы «повлиять на общественное мнение, особенно относительно религии, философии и политических взглядов» [Napoléon 2006, 733]. Вряд ли у первого консула находилось время и желание знакомиться со

всеми выходящими трудами «идеологов», но представление об их общей направленности он, конечно, имел.

Уже в опубликованной национальным Институтом ученой записке о способности мышления (1798) Дестют де Траси впервые предложил использовать термин «идеология» для обозначения особой науки, к предметному полю которой, так или иначе, обращались многие его современники. «Мышление, или способность мыслить, – самый значительный и самый важный феномен нашего бытия. Он состоит в получении модификаций, впечатлений и в их осознании; в нем целиком состоит наше существование: поскольку что такое существовать, если не ощущать?» [Destutt de Tracy 2017, 92]. Идеология должна быть результатом «анализа ощущений и идей». Она, подчеркивал де Траси, отлична и от психологии как науки о душе, и от прежней метафизики, по его мнению, вполне себя дискредитировавшей.

В «Элементах идеологии», своем главном труде, первая часть которого была опубликована в период консульства, в 1801 г., Дестют де Траси признает важнейшим объектом философских размышлений вопрос об источниках познания, его достоверности и границах, призывая воздерживаться от догадок о «происхождении и назначении мира». По его мнению, Кондильяк, продолжатель Локка, «действительно создал идеологию». Но при этом Кондильяку недоставало систематичности, несмотря на все «совершенство его метода» и «точность его суждений». Де Траси претендует на устранение этого недостатка: его труд призван предоставить читателю точное описание работы интеллектуальных способностей человека, равно как и основных феноменов, данных сознанию. В совокупности все это и есть «элементы идеологии». Согласно де Траси, «идеология есть часть зоологии», поскольку изучает человека – животное определенного вида. Но познание животного остается незавершенным, неполным, пока отсутствует надлежащий анализ его интеллектуальных способностей. Подобного рода анализ он проводит, руководствуясь установками сенсуалистического метода: «Мыслить, как вы видите, это всегда ощущать и не что иное, как ощущать» [Destutt de Tracy 2012, 75, 94].

По справедливому замечанию А.С. Ивановой, «теорию познания Кондильяка и де Траси несомненно роднит их эмпиризм. Обе они содержат, хотя и в неявном виде, три основных эмпирических положения: образование понятий – это процесс; познание начинается “с нуля” (гипотеза *tabula rasa*); источником и элементом познания является ощущение» [Иванова 2013, 148].

Кабанис в основном своем философском сочинении «Отношения физического и морального в человеке» (1802) заявлял, что и для врача, и для моралиста исключительно важно познание

телесного начала. Врач, проникший в тайны телесной организации человека, способен определить те средства, которые нужны для сохранения и поддержания здоровья. Моралист (философ), постигший пружины тончайших операций телесной организации, знает правила жизненного поведения и путь к счастью. «Человек имеет потребности: он получил способности, чтобы их удовлетворять; и те и другие непосредственно зависят от его организации» [Cabanis 1980, 41]. Кабанис считал, что науке серьезно повредило стремление изучать отдельно физические и моральные свойства человека. Моральная сфера лишилась точки опоры и была наполнена пустыми, бесплодными метафизическими гипотезами. Для автора «Отношений» моральный и интеллектуальный миры совпадали, речь шла о единой области. Среди своих предшественников он называет Аристотеля, Демокрита, Эпикура, Бэкона, Гоббса, Локка, Гельвеция, Кондильяка. Ссылается он и на своих друзей – «последователей Кондильяка»: Гара, Траси, Дежерандо, Ларомигьера. Все они внесли свой вклад в изучение сферы «моральных наук», способствуя их прогрессу. Начиная с Кондильяка, анализ достиг небывалой прежде точности, хотя некоторые вопросы из числа первостепенных оставались не проясненными. Отказываясь заниматься традиционными для прежней метафизики проблемами, Кабанис объявляет о своем намерении сосредоточиться на физиологических исследованиях, рассматривая в строгом порядке органические функции. Он декларирует, что не собирается опровергать распространенные учения о первых причинах, устанавливая взамен собственное, поскольку оставляет всю упомянутую область за пределами своего анализа. По его мнению, напрасно некоторые авторы пытались объяснить революционные потрясения «свободным развитием идей»: напротив, они явились следствием препятствий, которые намеренно устанавливали мышлению. Несоответствие, разлад между «социальными институтами и состоянием умов» закономерно привели к революции. Принципы морали, считал Кабанис, могут быть установлены с «высшей степенью точности», математически.

Пришедший к власти Наполеон не видел пользы в широком распространении вышеперечисленных идей. Напротив, он считал необходимым ограничить степень влияния салонных оппозиционеров. В январе 1802 г. из состава Трибуната был выведен Ларомигьер и те его коллеги, которые пытались протестовать против ряда решений Бонапарта. В 1803 г. был упразднен класс моральных и политических наук национального Института. «Идеологи» потеряли важный инструмент воздействия на общественное сознание.

Как сообщает Тюрю, однажды, в эпоху империи, Наполеон на своем официальном приеме обратился к управлявшему университетом Фонтану с наставлением, которое лишь частично удалось уловить

присутствующим: «„позитивного... монархического... без метафизического вздора... идеологического“», добавил он, бросив взгляд на Дестюта де Траси» [Picavet 1891, 23]. Даже и в таком отрывочном виде, смысл «инструкции» императора не нуждался в пояснениях, был очевиден собравшимся. Им было ясно, от кого следует держаться подальше тем, кто дорожит своей карьерой.

Понятию «идеология», изначально в среде философов использовавшемуся для обозначения науки об идеях, их происхождении и развитии, Наполеон первым придал политический, и притом отрицательный, смысл.

20 декабря 1812 г., обращаясь во дворце Тюильри к членам государственного совета, Наполеон заявил: «Именно с идеологией, этой туманной метафизикой, которая, с тонкостью отыскивая первые причины, желает на этих основах создать законодательство народов, вместо того, чтобы приспособить законы к познанию человеческого сердца и урокам истории, следует связать все несчастья, которые испытала наша прекрасная Франция» [Napoléon 1868, 343]. Как явствовало из его последующих слов, идеологию он в данном случае истолковывал расширительно, в качестве философии, ошибки которой привели к власти «людей крови», якобинцев. Подразумевались подобным утверждением, очевидно, просветительские концепции дореволюционных времен. К заблуждениям «туманной метафизики», помимо прочего, он возводил «принцип восстания» и идею народного суверенитета. Разумеется, этой обобщающей характеристикой он охватывал не только прошлое, но и политическую оппозицию своему режиму, включая представителей школы «идеологов».

Заключение

И все-таки, порывая с республиканскими убеждениями своей юности, которые продолжали вдохновлять «идеологов», Наполеон оставался им близок в другом: в стремлении ограничить значение священнослужителей в общественной жизни. В июле 1807 г. он писал Евгению Богарне из Дрездена, требуя передать римскому папе свое мнение о том, что «священники не созданы для того, чтобы править; пусть подражают святому Петру, святому Павлу и святым апостолам... Иисус Христос сказал, что Царство его не от мира сего. Почему же папа не желает отдать кесарю кесарево? Или он на земле выше Иисуса Христа?.. Разве религия основана на анархии, гражданской войне и неповиновении?» [Napoléon 2010, 974]. Он добавил, что видит стремление «римского двора» к поощрению политического беспорядка с целью присвоить себе неоправданную власть. Письмо содержит неприкрытую угрозу: тот, кто «позволяет

себе проповедовать смуту и восстание», будет «наказан по справедливости законов, власть которых также исходит от Божества».

Второй консул, затем один из высших сановников первой империи, Камбасерес вспоминал: «В моих отношениях с Наполеоном я всегда замечал, что он любил религию, что он верил в святость ее морали и в истинность ее учения, несмотря на то, что по этому последнему вопросу он был сбит с толку философией века, полностью отречься от принципов которой ему мешало своего рода человеческое уважение» [Cambacérès 1999, 433]. Действительно, Наполеон не раз говорил, что религия необходима обществу в качестве надежной опоры морали. Но при этом он упрекал священнослужителей в неуместной с их стороны любви к земным благам, обвинял в лицемерии и обмане, возлагал на них ответственность за множество войн. Заметим, что по-своему Камбасерес был прав. Наполеон так и не смог вполне избавиться от духа философии своей эпохи; антиклерикализм Руссо, Вольтера и поздних просветителей – представителей школы «идеологов», продолжал жить в его сознании.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Вандаль 1995 – *Вандаль А.* Соч.: В 4 т. Т. 1: Возвышение Бонапарта. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995.

Вольней 1962 – *Вольней К.Ф.* Избранные атеистические произведения. – М.: Изд-во АН СССР, 1962.

Иванова 2013 – *Иванова А.С.* Начала «идеологии»: Антуан Дестют де Траси и его наука об идеях // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 146–148.

Манфред 1980 – *Манфред А.З.* Наполеон Бонапарт. – М.: Мысль, 1980.

Наполеон 1956 – *Наполеон.* Избранные произведения. – М.: Воениздат, 1956.

Тарле 2012 – *Тарле Е.В.* Наполеон. – СПб.: Азбука, 2012.

Barras 1896 – *Barras P.* Mémoires de Barras, membre du Directoire, en 4 tomes. T. IV : Consulat – Empire – Restauration. – Paris: Hachette, 1896.

Bréhier 2004 – *Bréhier E.* Histoire de la philosophie. – Paris: PUF, 2004.

Cabanis 1980 – *Cabanis P.-J.-G.* Rapports du physique et du moral de l'homme. – Genève: Slatkine, 1980.

Cambacérès 1999 – *Cambacérès J.-J.-R.* Mémoires inédits, en 2 tomes. T. II. – Paris: Perrin, 1999.

Destutt de Tracy 2012 – *Destutt de Tracy A.-L.-C.* Oeuvres complètes, en 8 tomes. T. III : Éléments d'idéologie. Idéologie proprement dite. – Paris: Vrin, 2012.

Destutt de Tracy 2017 – *Destutt de Tracy A.-L.-C.* Oeuvres complètes, en 8 tomes. T. II : Essais philosophiques. – Paris: Vrin, 2017.

Fouché 1825 – *Fouché J.* Mémoires, en 2 tomes. T. I. – Bruxelles: De Mat, 1825.

Guillois 2013 – *Guillois A.* Le salon de madame Helvétius. Cabanis et les idéologues. – Genève: Slatkine, 2013.

Madelin 2003 – *Madelin L.* Histoire du consulat et de l'empire, en 4 tomes. T. I. – Paris: Robert Laffont, 2003.

Moravi 1905 – *Moravi G.* Napoléon bibliophile. Recherches spéciales de psychologie napoléonienne, avec documents inédits. – Paris: Lecampion, 1905.

Napoléon 1868 – *Napoléon I.* Correspondance. Publ. par ordre de l'empereur Napoléon III, en 32 tomes. T. XXIV. – Paris: Plon, 1868.

Napoléon 2001 – *Napoléon Bonaparte.* Oeuvres littéraires et écrits militaires, en 2 tomes. T. 2. – Paris: Claude Tchou, 2001.

Napoléon 2004 – *Napoléon Bonaparte.* Correspondance générale, en 15 tomes. T. I. – Paris: Fayard, 2004.

Napoléon 2006 – *Napoléon Bonaparte.* Correspondance générale, en 15 tomes. T. III. – Paris: Fayard, 2006.

Napoléon 2010 – *Napoléon Bonaparte.* Correspondance générale, en 15 tomes. T. VII. – Paris: Fayard, 2010.

Picavet 1891 – *Picavet F.* Les idéologues. – Paris: Félix Alcan, 1891.

Roederer 1909 – *Roederer P.-L.* Journal. – Paris: Daragon, 1909.

Roederer 1942 – *Roederer P.-L.* Bonaparte me disait... – Paris: Horizons de France, 1942.

Villefosse, Bouissounouse 1969 – *Villefosse L., Bouissounouse J.* L'opposition à Napoléon. – Paris: Flammarion, 1969.

Volney 1989 – *Volney C.F.* Oeuvres, en 3 tomes. T. I. – Paris: Fayard, 1989.

REFERENCES

Barras P. (1895–1896) *Mémoires de Barras, membre du Directoire* (Vols. 1–4). Paris: Hachette (in French).

Bréhier E. (2004) *Histoire de la philosophie*. Paris: PUF (in French).

Cabanis P.-J.-G. (1980) *Rapports du physique et du moral de l'homme*. Genève: Slatkine (in French).

Cambacérès J.-J.-R. (1999) *Mémoires inédits* (Vols. 1–2). Paris: Perrin (in French).

Destutt de Tracy A.L.C. (2011–2018) *Oeuvres complètes* (Vols. 1–8). Paris: Vrin (in French).

Fouché J. (1825) *Mémoires* (Vols. 1–2). Bruxelles: De Mat (in French).

Guillois A. (2013) *Le salon de madame Helvétius. Cabanis et les idéologues*. Genève: Slatkine (in French).

Ivanova A.S. (2013) The Elements of “Ideology”: Antoine Destutt de Tracy and his Science of Ideas. *Voprosy filosofii*. 2013. No. 8, pp. 146–148 (in Russian).

Madelin L. (2003) *Histoire du consulat et de l'empire* (Vols. 1–4). Paris: Robert Laffont (in French).

Manfred A.Z. (1980) *Napoleon Bonaparte*. Moscow: Mysl' (in Russian).

Moravi G. (1905) *Napoléon bibliophile. Recherches spéciales de psychologie napoléonienne, avec documents inédits*. Paris: Lecampion (in French).

Napoléon Bonaparte (1858–1869). *Correspondance (publ. par ordre de l'empereur Napoléon III)* (Vols. 1–32). Paris: Plon (in French).

Napoléon Bonaparte (1956). *Selected Works*. Moscow: Voenizdat (Russian translation).

Napoléon Bonaparte (2001). *Oeuvres littéraires et écrits militaires* (Vols. 1–3). Paris: Claude Tchou.

Napoléon Bonaparte (2004–2018). *Correspondance générale* (Vols. 1–15). Paris: Fayard (in French).

Picavet F. (1891) *Les idéologues*. Paris: Félix Alcan (in French).

Roederer P.L. (1909) *Journal*. Paris: Daragon (in French).

Roederer P.L. (1942) *Bonaparte me disait...* Paris: Horizons de France (in French).

Tarle E.V. (2012) *Napoleon*. Saint Petersburg: Azbuka (in Russian).

Vandal A. (1995) *Works* (Vols. 1–4). Rostov-on-Don: Fenix (Russian translation).

Villefosse L. & Bouissounouse J. (1969) *L'opposition à Napoléon*. Paris: Flammarion (in French).

Volney C.F. (1962) *Selected Atheistic Works*. Moscow: USSR Academy of Sciences Press (Russian translation).

Volney C.F. (1989–1998) *Oeuvres* (Vols. 1–3). Paris: Fayard (in French).